

Часть 1. Метрополии культуры

Реймонд Уильямс

Новая метрополия¹

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_19

Raymond Williams
The New Metropolis

В современных описаниях мира крупные индустриальные общества часто называют «метропольными». На первый взгляд это можно принять за простое описание их внутреннего развития, в котором стали доминировать города-метрополии. Но взглянув повнимательнее, в контексте их реального исторического развития, мы обнаружим, что речь идет о расширении на весь мир того разделения функций, которое в XIX веке существовало внутри одного государства. «Метропольные» общества Западной Европы и Северной Америки являются «продвинутыми», «развитыми», индустриализованными государствами — центрами экономической, политической и культурной власти. Резко контрастируют с ними — хотя есть много промежуточных стадий — общества, которые считаются «недоразвитыми»: все еще по преимуществу аграрные и «слабо» индустриализованные. Государства-«метрополии» через систему торговли, а также комплекс экономических и политических мер контроля получают продовольствие и, что еще важнее, сырье из этих областей поставок, своего рода задворок, покрывающих большую часть Земли и населенных большинством ее народов. Так модель города и деревни в экономических и политических отношениях вышла за границы государства-нации и стала восприниматься, но также и оспариваться как модель всего мира.

Показательно, что свои современные формы это приобрело в Англии. Реальная история города и деревни в самой Англии с ранних времен была во многом историей распространения доминирующей модели капиталистического развития на другие регионы мира. И это не было, как порой полагают,

1 Настоящий текст является главой из книги Реймона Уильямса «Город и деревня» (*Williams R. The Country and the City. New York: Oxford University Press, 1973. P. 279—288*).

частным случаем «развития» здесь и «неспособности развиваться» в других местах. То, что происходило в «городе», в «метропольной» экономике, определяло то и определялось тем, что происходило в «деревне» — сначала на локальных окраинах, а затем в обширных регионах за их пределами, в землях других народов. То, что произошло в Англии, с тех пор получило более широкое распространение в новых зависимых отношениях между всеми индустриализованными нациями и всеми остальными «неразвитыми», но экономически важными странами. Таким образом, одной из последних моделей «города и деревни» стала система, известная нам сегодня как империализм.

Европейская экспансия в остальной мир уже в XVI и XVII веках принесла большие богатства, которые нашли себе применение во внутренней системе Европы. Значительная часть загородных домов в XVI—XVIII веках была построена на доходы от этой торговли. Пряности, сахар, чай, кофе, табак, золото и серебро — все это, будучи торговой прибылью, питало социальный порядок Англии наряду с прибылью от английских акций и урожая. На том этапе это все еще была главным образом прибыль от торговли — доставки товаров из одной экономики в другую, хоть и часто с применением физической силы. Загородные дома, вершина местной системы эксплуатации, имели тогда множество связей с этими далекими землями. Но тогда же шел другой процесс, другого рода «улучшение». Спрос на эти ценные и экзотические товары неуклонно рос, и европейские общества и их эмигранты-поселенцы стали наращивать производство. Для этого они начали организовывать «труд» в тропических регионах: этот вежливый термин означал торговлю рабами из Африки — всего от трех миллионов в XVII веке до семи миллионов в XVIII-м. Новая сельская экономика тропических плантаций — сахар, кофе, хлопок — была построена на этой торговле плотью, и снова прибыль поступала в систему загородных домов — не только прибыль от товаров, но до конца XVIII века и от рабов. В 1700 году на колонии приходилось 15% британской торговли. В 1775 году эта доля составляла уже треть. В ходе сложного процесса экономического взаимодействия, подкрепленного войнами между торговыми нациями за контроль над областями поставок, организованная колониальная система и развитие индустриальной экономики изменили характер британского общества.

Беспрецедентные события XIX века, когда Британия стала преимущественно индустриальным и городским обществом, а ее сельское хозяйство опустилось до статуса маргинального, необъяснимы и были бы невозможны без этого колониального развития. Новая промышленная продукция массово экспорттировалась. Большую часть мировой торговли вела и обслуживала Британия из нового лондонского «Сити», господствовавшего в судоходстве, банковском деле и страховании. Вслед за этими выгодными разработками, часто исключая другие возможности, ее экономика к середине XIX века достигла того состояния, когда собственное население уже не могло прокормиться за счет домашнего производства. Тогда традиционные отношения между городом и деревней были основательно перестроены в международных масштабах. Далекие страны стали сельскими районами промышленной Британии, с тяжелыми последствиями для ее собственных уцелевших сельских районов. В то же время стремление к индустриальным рынкам и добыче сырья фактически расширило ее общество на полмира. Уже в XVIII веке важнейшие колонии в Северной Америке добились независимости и со временем, и даже с большим размахом, пошли по тому же пути. Особенно с 1870-х годов между растущими

индустриальными обществами началась острая конкуренция за рынки, сырье и сферы влияния. Эта борьба велась в сфере торговли и в многочисленных колониальных войнах. В Британии это привело к формальному установлению новых видов политического контроля над колониальными территориями — Британской империи в ее политическом смысле. В XX веке то же самое соперничество разыгралось уже на европейской территории, во время Первой мировой войны.

Влияние этого развития на английское воображение было глубже, чем можно с легкостью проследить. Все это время внутри него, у себя дома, продолжалось взаимодействие между деревней и городом, которому мы видели столько примеров. Но по меньшей мере с середины XIX века, а в отдельных случаях и раньше, существовал этот более широкий контекст, в котором каждая идея и каждый образ подвергались сознательному и бессознательному воздействию. В промышленных романах середины XIX века мы видим, как идея эмиграции в колонии была принята за решение проблемы нищеты и перенаселенности городов. Тысячи перемещенных сельских рабочих уже отправились туда. «Мэри Бартон» Элизабет Гаскелл заканчивается в Канаде, в атмосфере сельской идиллии и бегства, не уступающей ранним английским образом. В «Грозовом перевале», «Больших надеждах», «Олтоне Локке» и многих других романах того времени есть выход из борьбы внутри английского общества в эти далекие страны. Этот выход — не только бегство в новые земли, но и, как в некоторых реальных историях, обретение состояния, позволяющего вернуться и продолжить борьбу в более высокой точке. Александр Сомервилл и некоторые из «толпадлских мучеников», жертвы кризиса сельского общества, были высланы и едва не закончили свои дни за морем. Многие из жертв городского кризиса, в их числе и лидеры чартистов, пошли тем же путем. Земли империи были идиллическим пристанищем, спасением от долга или позора, либо возможностью сколотить состояние. Растворенный средний класс находил себе постоянную карьеру за границей, по мере того как война и администрация в далеких странах становились все более организованными. Новые сельские общества вошли в английское воображение под тенью политического и экономического контроля: плантаторские миры Киплинга, Моэма и раннего Оруэлла; торговые миры Конрада и Джойса Кэри.

Примерно с 1880 года началось резкое расширение ландшафта и социальных отношений. Заметно развилась и идея Англии как «дома», в том особом смысле «дома» как пространства памяти и идеала. Некоторые его образы связаны с центром Лондона — могущественной, престижной и потребляющей столицы. Но многие из них изображают сельскую Англию: ее зеленый покой, контрастирующий с тропическими или засушливыми местами фактической работы; ее чувство принадлежности и общины, идеализированное по контрасту с напряженностью колониального правления и изолированными поселениями пришельцев. Мы можем уловить силу этой идеи во многих изображениях сельской Англии XX века. Общество, из которого вышли эти люди, было, в конце концов, самым урбанизированным и индустриализованным в мире, и обычно они уезжали служить именно этим его элементам. Возможно, это лишь усугубляло тоску и склонность к идеализации. Более того, с практической точки зрения наградой за службу, хоть чаще и ожидаемой, чем полученной, было возвращение в сельскую местность внутри этой городской и промышленной Англии: «жилую» (residential) сельскую Англию, «местечко в деревне».

Если только служба не была достаточно прибыльной, чтобы последовать более старому пути в «загородный дом», в настоящее место. Птицы, деревья и реки Англии; туземцы, говорящие более или менее на своем собственном языке — вот условия многих воображаемых и фактических поселений. Деревня была теперь местом, куда отправлялись в отставку.

Это легко увидеть в поколениях колониальных офицеров, государственных служащих, управляющих плантациями и торговцев. Но они были наименее успешными внутри своего класса. В ходе промышленного и империалистического развития земельная аристократия во многом утратила свою особую идентичность и политическую власть. Однако ее социальная образность продолжала преобладать. Сеть доходов от собственности и спекуляций была теперь не только промышленной, но и имперской. И, как это часто бывало раньше, она питала нарочито сельскую манеру подавать себя. Как мы видели, загородные дома поздней Джорджа Элиот, Генри Джеймса и их блеклых наследников были загородными домами капитала, а не земли. Значительнее и ритуальнее, чем когда-либо прежде, сельский уклад развивался как культурная надстройка на призывах от промышленного и имперского развития. Это был способ игры — легкое воплощение старой образности Пенсхерста: полевой спорт, рыбалка и прежде всего лошади; часто маргинальный интерес к консервации и «старым деревенским устоям».

Между тем в Британии все еще существовал небольшой сельский пролетариат, а фермеры, как мы видели, все чаще становились собственниками, приспособливаясь нередко с трудом к подчиненному положению домашнего сельского хозяйства, но все эффективнее используя ресурсы научного и индустриального общества. Некоторые из старых реальных образов сохранились в минорном ключе. Но теперь они наконец-то уступали числом новым образам, которые сами преобразились вслед за изменением своих функций. Тихое место для отставки или место для жизни в деревенском стиле — теперь эти идеи доминировали как в литературе, так и в истории.

Но все это время вне поля их зрения существовал многочисленный сельский пролетариат в далеких землях. Как писал в 1939 году Оруэлл, видевший некоторых из них: «Мы всегда забываем, что подавляющее большинство британского пролетариата живет не в Британии, а в Азии и в Африке».

Именно такой была развивающаяся система. Миллионы рабов; миллионы подневольных и наемных рабочих; миллионы сельских рабочих, получавших настолько низкую зарплату, что едва сводили концы с концами. Из этих «деревенских» районов в конце концов через кровь и борьбу вышли движения за политическую независимость. На разных этапах, защищая такой порядок, молодые офицеры из загородных домов вели других англичан, а также экспроприированных ирландцев, шотландцев и валлийцев на колониальные битвы, в которых погибло так много людей. Странная судьба. Безработный из городских трущоб, ненужный безземельный рабочий, обездоленный крестьянин — каждый из них находил себе работу в убийстве и дисциплинировании сельской бедноты покоренных стран.

Сейчас часто виновато говорят, что британский народ в целом выиграл от системы империализма. Если мы сложим показатели движения богатства, то не сможем в этом усомниться. Повышение общего уровня жизни во многом зависело от эксплуатации миллионов, в которых видели лишь отсталых людей, туземцев. Вина, ненависть и предрассудки, воспитанные в тех поколениях,

в большинстве своем сохранялись, когда по иронии судьбы безработица в колониях вызвала обратную миграцию, и по старинной модели переселенцы из «деревенских» районов, следуя за богатством и рассказами о нем, прибыли в центр «метрополии», где их сразу же затолкали в тесноте среди коренной бедноты, как это всегда происходило в истории развития городов. И все же мы всегда должны помнить, что богатство, которое возвращалось и продолжает возвращаться, не распределялось равномерно. Лондон был на одном из пиков своего развития как империалистический город, когда создал безнадежный центр бедности и нищеты в Ист-Энде. Ведь богатство империи, пропущенное через столь немногие руки, было важнейшим источником политической и экономической власти, которую продолжал осуществлять все тот же правящий класс. Преимущества жизни в развитом индустриальном обществе, даже на нижних ступенях шкалы, были, конечно, распространены более широко. Но даже тогда внутри страны этих рабочих направляли эксплуатировали. А за многие из преимуществ им пришлось заплатить: кровью в постоянных войнах, которые практически не затрагивали их непосредственных интересов; и более глубоким образом — растерянностью, потерей ориентиров, деформацией духа. Это история города и деревни в ее самой жестокой форме, а теперь и в невообразимо сложных масштабах.

Сегодня в Британии многие верят, что история этой системы закончилась. Но политический империализм был лишь одним из ее этапов. Ему предшествовал экономический и торговый контроль, опиравшийся, где было нужно, на силу. Ему на смену пришел экономический, валютный и коммерческий контроль, который опять-таки в случае сопротивления тут же находит поддержку в форме политической, культурной и военной интервенции. В этом смысле доминирующими отношениями по-прежнему остаются отношения города и деревни в точке максимальной эксплуатации.

Скрывать эту эксплуатацию доверено современной версии старой идеи «улучшения» — шкале человеческих обществ, которая теоретически достигает кульминации во всеобщей индустриализации. Всякая «деревня» станет «городом» — такова логика развития: простая линейная шкала, на которой можно отметить степени «развития» и «отсталости». Однако реальность выглядит совершенно иначе. Многие «слаборазвитые» общества развивались именно для нужд стран-«метрополий». Народы, которые когда-то занимались натуральным хозяйством, превратились под действием экономических и политических сил в плантационные экономики, горнодобывающие районы, рынки monocultures. Установление цен, на которые вынуждены жить эти специализирующиеся на потребностях метрополии области, полностью контролируется ее товарными рынками. Массивные инвестиции в тот или иной вид поставок и в их экономическую и политическую инфраструктуру приносят из этих специализированных «сельских» районов постоянный поток богатства, который еще больше усугубляет господствующие взаимоотношения. В сущности, нет разницы, идет ли речь о кофе или о меди, каучуке или олове, какао, хлопке или нефти. Так называемая помощь бедным странам за редкими исключениями направлена на усугубление этого процесса: развитие их экономики согласно потребностям метрополии; сохранение рынков и сфер влияния; или продолжение косвенного политического контроля через поддержку пособнического режима; противодействие, в том числе через военное вмешательство, всем разработкам, которые позволили бы этим обществам независимо и самостоятель-

но развиваться. Мировая история середины XX века во многом представляет собой эти определяющие отношения и их бурные последствия. На нее идеологически накладывается абстрактная идея «развития»: бедная страна находится «на пути» к богатой, так же как в промышленной Британии XIX века бедняки могли рассматривать как человека, который при наличии правильных идей и усилий был «на пути» к богачу, но пока находился на более низкой ступени этого развития. Факты, однако, говорят о том, что разрыв только увеличивается, а его последствия настолько велики, что определяют мировую историю.

В этом масштабном действии старые образы города и деревни будто отходят на второй план. Но некоторые из них все еще актуальны; актуальны история и идеи. Мы по-прежнему можем в любой день найти сельскую литературу самого традиционного типа, но для этого приходится уезжать все дальше и дальше. Мы находим истории о далеких землях, но в них можно узнать что-то из нашего собственного традиционного опыта. Местные детали отличаются, что естественно для разных народов, но многие исторические события по сути своей схожи. Если мы прочитаем прекрасный роман Яшара Кемаля «Опора» о гастарбайтерах из Анатолии, мы увидим в нем форму опыта, который разделяли многие из нас: сообщество, ставшее доступной рабочей силой для спекулятивного сезонного предприятия где-то в другом месте, тяготы долгого пути и знакомый обман в конце. О конфликте между двумя типами народа, двумя укладами сельской жизни мы можем прочитать в романе Джеймса Нгури «Река между» (1965). Есть деревенский мир в романе Элечи Амади «Наложница» (1966) и рисовые земли Гайаны в «Долгих странствиях Удина» Уилсона Харриса (1961). Есть сельская жизнь Южной Индии в романе Р.К. Нарайана «Свами и друзья» (1935) и сельский конфликт в романе Мулка Раджа Ананда «Деревня» (1939).

Многие из этих историй включают характерные внутренние темы: борьбу с лендлордами, неурожаи и долги, проникновение капитала в крестьянские общины. Все это при всех вариациях различных обществ и традиций является собой внутреннее напряжение, в котором мы можем узнать характерные формы, часто из очень далекого прошлого нашей истории. Но наиболее актуальными для нас они становятся тогда, когда затрагивают империалистический и колониальный опыт. В самой Британии, на родных островах, колониальный процесс уходит так далеко в прошлое, что фактически остается неописанным, хотя в сельской литературе Шотландии, Уэльса и особенно Ирландии можно найти его поздние отголоски. Он стал частью долгого заселения, идеализированного как Старая Англия или натуральная экономика — результатом столетий последовательного проникновения и господства. В этой современной литературе колониальных народов важно то, что мы можем видеть, как происходит история, как она творится, направляясь из Англии, описанной совсем иначе в нашей собственной литературе.

Есть горькие воспоминания об опыте на другом конце того процесса, что принес в Англию богатства, конвертированные в загородные дома и соответствующий стиль жизни: опыт сахарных плантаций и работторговли. Существует множество прямых свидетельств об этом развивающемся процессе в его наиболее организованной и экспансивной стадии. Мы уже знакомы с работами англичан, познавших его напряженность: «Поездка в Индию» Э.М. Форстера, «Дни в Бирме» Оруэлла, важные африканские романы Джойса Кэри «Спасенная Эйса», «Африканская колдунья», «Мистер Джонсон». Как правило, это

либеральный взгляд на опыт, свойственный критическому и сомневающемуся в себе поколению, пришедшему после Киплинга. Но нам достаточно обратиться к индийским, африканским и вест-индским писателям за иной и необходимой перспективой. «Два листка и почка» Мулка Раджа Ананда (1937) показывают чайную плантацию с другой стороны. В финале «И пришло разрушение» Чинуа Ачебе (1958) белый человек собирает материал для книги «Умиротворение примитивных племен низовьев Нигера», и этот ироничный вызов показателен, так как все мы читали подобные отчеты, но теперь видим процесс изнутри сельского сообщества, когда белые люди — миссионеры, окружные офицеры — прибывают со своими наемными солдатами и полицией. В «И пришло разрушение», как иногда в английской литературе о переменах в сельской жизни, уже у Харди, впечатляет то, как проясняются внутренние противоречия общества, что позволяет нам понять способы проникновения, которое в любом случае произошло бы в процессе экспансии. Первыми в чужую религию обращаются маргиналы традиционного общества. Чужой закон и религия вызывают ожесточенное негодование и сопротивление, но станцию, торгующую пальмовым маслом, они приветствуют как дополнение к подсечно-огневому земледелию, применяемому для выращивания ямса. Самый сильный человек, Оконкво, терпит поражение в сложнейшем процессе внутренних противоречий и внешнего вторжения.

Мы можем видеть те же сложности, но на более позднем этапе и в других обществах в движениях сопротивления деревенских людей английской власти, в Кении из «Не плачь, дитя» и «Пшеничного зерна» Джеймса Нтуги или в Малайе из романа Хан Суин «И дождь — мой напиток». То, что английскому читателю официально представляли как дикость и следующий за ней терроризм, здесь предстает в реальном свете: как множество различных сельских обществ — неидеализированных и раздираемых собственными противоречиями — захваченных и трансформированных непонимающей и часто бесчеловечной чужой системой. Показательно, что идеализация крестьян в традициях современного английского среднего класса не была распространена, когда это могло оказаться важным, на крестьян, работников плантаций и кули этих оккупированных обществ. Однако в новом и универсальном смысле это было проникновением, трансформацией и покорением «деревни» «городом»: давно устоявшиеся сельские сообщества выкорчевывались и переориентировались военной и экономической мощью развивающегося метропольного империализма. Этот процесс не принадлежит давнему или недавнему прошлому: достаточно почитать произведения Эзекиля Мфалеле из Южной Африки.

Но затем мы видим и более сложный вторичный процесс. В самом общем смысле в основе описания империалистических стран как «метрополий» лежит образ деревни, пронизанной, трансформированной и покоренной городом, — деревни, которая учится сопротивляться старыми и новыми способами. Но одним из следствий империалистического господства стало инициирование внутри доминируемых обществ процессов, которые внутренне следуют линиям чужого развития. Внутренняя история деревни и города разворачивается, часто очень драматично, в колониальных и неоколониальных обществах. Это особенно иронично, поскольку город в западной мысли сегодня регулярно ассоциируется с самыми современными видами развития, тогда как в мировом масштабе наиболее заметный рост городов в XX веке происходил на «слаборазвитых» и «развивающихся» континентах. В индустриализованных обществах

вах продолжилась урбанизация, хотя в таких как Британия ее пропорции некоторое время были относительно стабильными. В самом деле, произошло заметное перемещение из города в старом смысле слова, когда городские центры стали расчищать для коммерческого и административного развития, или когда пригороды, новые города и промышленные комплексы стали развиваться в сельских и полусельских районах в рамках политики относительного рассредоточения. В индустриальных обществах концентрированный город замещается транспортной сетью: конурбацией, городским регионом, осью Лондон — Бирмингем. Таким образом, город переходит в третичный период своего развития, когда он становится фактически административной провинцией или даже государством.

Между тем на другом конце империалистического процесса как прямое следствие навязанного экономического развития и его внутренних последствий развиваются сильно перенаселенные города. Возникнув как центры колониальной торговли и администрации, они, как и в нашей собственной истории, поглотили излишки населения и рабочих, выкорчеванных из сельских районов. Это длительный и непрерывный процесс, усугубляемый быстрым ростом общей численности населения. Знакомые проблемы хаотично разрастающегося города повторяются по всему миру, во многих беднейших странах. Те, кто говорит о кризисе городов, имея в виду Лондон, Нью-Йорк или Лос-Анджелес, должны подумать и о более глубоком кризисе в Калькутте, Маниле или сотне других городов Азии, Африки и Латинской Америки. Перемещенное и в прошлом сельское население движется и дрейфует к центрам денежной экономики, направляемой интересами, весьма далекими от их собственных. Самый поздний образ города в экс-колониальном и неоколониальном мире — это политическая столица или торговый порт, окруженный трущобами, баррикадами, которые часто растут с невероятной скоростью. В Перу, пока я пишу эти строки, несколько акров пустыни за две недели превратились в «город» с населением в тридцать тысяч человек, и это лишь частный пример длительного взаимодействия между изменившимися и разрушенными сельскими обществами, процессом капиталистического сельского хозяйства и индустриализации, иногда внутренней, но чаще направляемой извне.

Богатым индустриальным обществам уже слишком поздно предупреждать о последствиях этого драматического процесса. Существует ложный консервативный и реакционный взгляд, который, как заметил Харди по поводу сельской Англии, фактически подразумевает, что развивающиеся общества должны оставаться такими, какие они есть, живописными и бедными, в угоду внешним наблюдателям. Даже когда он более серьезен, как в случае с обоснованным акцентом на всесторонних человеческих последствиях, он оказывается недобросовестным, если утверждает, что процесс должен остановиться на чем-то вроде нынешних уровней относительных преимуществ и недостатков. Ибо следует признать не только как исторический, но и как современный факт, что линии развития в своих намеренных и ненамеренных последствиях ведут к центрам империалистической экономической, политической и военной власти. Разрушенные сельские общества включают в себя не только экономики Латинской Америки, но и разбомбленные и сожженные руины Вьетнама. Независимое развитие, за которое нужно ожесточенно бороться, дает тогда единственный шанс на возможный рост в интересах большинства. И хотя, если сложить все достижения или провалы в развитии, глобальный кризис дейст-

вительно ужасает, это процесс, который не остановить ни в одном из его секторов. Решающие изменения, если они вообще наступят, должны будут наступить изнутри стран-«метрополий», чья власть сегодня искажает весь процесс и делает невозможной любую подлинную систему общих интересов и контроля. И все же, глядя на мощь и импульс движущих сил метрополий, часто усекаемых их собственными внутренними кризисами, мы не можем сомневаться в том, что другой путь, если он будет найден, обязательно потребует революционных изменений. Глубина кризиса и сила тех, кто продолжает господствовать в нем, слишком велики для более легкого или благоприятного пути.

В этой теперь уже огромной мобильности, ставшей повседневной историей нашего мира, литература продолжает воплощать почти бесконечно разнообразный опыт и возможности интерпретации. Мы можем вспомнить нашу собственную раннюю литературу о мобильности и разрушительном процессе урбанизации и увидеть, как многие из ее тем вновь появляются в африканской, азиатской и вест-индской литературе, написанной, что характерно, на метропольных языках, которые сами являются последствием мобильности. Мы можем прочитать о беспокойных деревнях многих далеких стран: в «Данде» Нкема Нванкво, в «В замке моей кожи» Джорджа Лэмминга. Смешанный язык, выученный в процессе мобильности, пропускает в «Новом дне» В.С. Рейда. А Чинуа Ачебе, показавший в «И пришло разрушение» и «Стреле бога» приход чужеродной системы в деревни, демонстрирует нам сложный процесс образовательной мобильности и новые виды работы в городе в «Покоя больше нет» и «Человеке из народа». И все же мы настолько привыкли думать об общем опыте через отчуждающие экраны чужеродности и расы, что слишком часто принимаем особенности этих историй за экзотику. Социальный процесс происходит там, в изначально незнакомом обществе, и в этом его важность. Но по мере того, как мы обретаем перспективу в долгой истории литературы о деревне и городе, мы видим, насколько этот процесс в разное время и в разных местах оказывается связующим для истории, которую в конечном счете нужно рассматривать как общую.

Перевод с английского Николая Вокуева